

ВО ВЕСЬ ГОЛОС ТАЛАНТА

ное, что оно с предельной ясностью представляет нам все наиболее характерные черты узбекского сценического искусства — так сильно выраженное в нем героико-романтическое начало и абсолютную бытовую достоверность, способность к философско-поэтическому осмыслению жизни и безбрежную стихию народного юмора, народной сатиры. И все это — в убедительной совместности, казалось бы, разнородного, часто в органическом слиянии, как это и существует в самой реальной действительности. Представляя столь зримо черты

национального искусства, творчество Ш. Бурханова во многом объясняет и его значение, его место во всей советской многонациональной художественной культуре.

Свыше пятидесяти лет Ш. Бурханов работает на театральной сцене и более сорока — в киноискусстве. За этот долгий период напряженного творчества сыграно сравнительно немного ролей: чуть больше семидесяти (почти по числу прожитых лет) в театре и около двадцати — в кино. Иные крупные мастера имеют куда более пространную послужную список. Но попробуйте хотя бы на минуту забыть о созданиях Бурханова и убедитесь, насколько беднее будет выглядеть искусство нашего выдающегося академического коллектива имени Хамзы, а, значит, — и всего узбекского театра!

А ведь таких по-настоящему значительных созданий у актера множество, начиная от

Республика живет в ожидании большого праздника — открытия Дней литературы и искусства Узбекской ССР. С сегодняшнего номера наша газета начинает публикацию серии материалов, рассказывающих о деятелях

образа Гуляма в драме Камилля Яшена «Честь и любовь» (1936 год) и кончая истинным воплощением народной мудрости и совести — образом Сулеймана-ата в «Неоплаченном долге» У. Умарбекова.

Да извинит меня читатель, если я не перечисляю пьесы, а называю только роли в них. И какая в подобном перечислении необходимость, если театральные образы Гаффура, Дундича, Максимова, Смита, Городничего, Фучика, Сатылмыша, Юлчи, Войничского, Брута, Улугбека, Эдипа и еще многие другие; экранные — Карабатыра, Каландарова, Ялантуша, Улугбека, Азавура и другие оставили неизгладимый след в душах зрителей, прочно вошли в память народа.

Особо надо выделить важнейший и весьма длительный этап в творчестве Шукура Бурханова, сказать о его вдохновенной работе над образом В. И. Ленина. Пять раз на материале пяти разных пьес Бурханов обращался к решению сложнейшей из творческих задач, и наивысшего успеха достиг в «Путеводной звезде» — произведении, которое открыло первую страничку узбекской сценической Ленинианы. Именно Шукуру Бурханову принадлежит главная заслуга в создании национальной Ленинианы.

Совсем юным выступил впервые Шукур Бурханов на сцене. Он вошел тогда в группу, исключительно богатую талантами, но почти сразу же приковал к себе пристальное вни-

мание. В отличие от многих мастеров театра им. Хамзы, Бурханов в студиях не учился, школу он проходил, играя в спектаклях. Но с первых шагов его на сцене стало очевидным, что это огромный природный талант. Талант, как крупнейший алмаз, который следовало гранить, не жалея сил, подвергая самым большим нагрузкам. И его гранили, поручая самые разнообразные роли в трагедиях и комедиях, в пьесах узбекских и русских писателей, в русской и зарубежной классике.

Начало второго десятилетия работы Бурханова на сцене отмечено одним из крупнейших его созданий — незабываемым Гаффуром в «Бае и батраке» Хамзы. Вспомним, что тут молодому актеру пришлось соревноваться с самим Абрамом Хидоятовым. Во многом решающее испытание это Бурханов выдержал с честью. Он сроднился с этой ролью, он прожил с нею десятилетия. Это создание по праву зачислено в ряд классических на узбекской сцене. Как Улугбек Бурханова, как его Брут, Эдип и другие наиболее значительные образы, оно вошло в золотой фонд всего советского театра.

Талант Шукура Бурханова — редчайший по силе разнообразных драгоценных качеств, по способности проникновения в глубины человеческой психологии. Как настоящий мастер-реалист Бурханов — актер вне амплуа. Достаточно сопоставить, к примеру, его подлинно героического Брута,

культуры братского Узбекистана. Открываем мы эту серию творческим портретом крупного мастера советской сцены, народного артиста СССР Шукура Бурханова.

беспощадного к себе в поисках нравственной правды Эдипа, непримиримого к средневековому фанатизму Улугбека, прожженного мошенника Городничего, умницу-хитреца Каландарова, чтобы понять: Шукуру Бурханову на сцене, в кино подаваемо все.

Но все-таки больше любимыми и дорог нам Бурханов — актер трагический. Очевидно, потому, что искусство трагического более трудное, требующее затраты огромных душевных сил, горения сердца, погружения в море людских страстей и страданий. И еще потому, как мне думается, что сегодня истинных трагиков стало куда меньше, и редко мы, к сожалению, видим сейчас на сцене неуемность темперамента, безудержность страсти, силу гигантского преодоления.

А Шукур Бурханов — истинный трагик, умеющий поразительно ярко показать главное в героической борьбе, самое важное для человечества во все времена борьбы против зла: непримиримость против его максимализма, его готовность к решающим схваткам с врагами свободы и гуманизма даже при сознании полного своего одиночества.

Трагические герои Бурханова — это герои в подлинном смысле слова. В них вечно живет дух борьбы за светлые идеалы, они всегда активны, они спешат добиться цели, утвердить правду на земле. Нетерпелив в своих действиях был Гамлет Бурханова, и если, он погибал, то вовсе не по

слабости воли — такая черта была ему совершенно чужда. Нетерпелив был его Нолинаха в спектакле «Дочь Ганга» — интеллигент, философ по авторской мысли, а у Бурханова — скорее страстный пропагандист.

С трактовкой Бурхановым роли иной раз нелегко согласиться, но спорить трудно, подчас невозможно. Это прежде всего потому, что нельзя не сочувствовать активным действиям (да, всегда действиям, действиям!) его героев, их самоотверженной непримиримости, их готовности обречь себя на гибель — только бы утвердить правду, добро на земле! Что и говорить, в наш бурный век это очень и очень важно!

Искусство узбекского актера Бурханова никогда не требовало перевода на иные языки. В лучших своих образах оно выразительно до предела благодаря мощному потоку ярко, эмоционально окрашенной мысли, удивительной внутренней и внешней пластичности, редчайшей красоты голоса, который способен выразить нежнейшие оттенки чувств и страстно петь, как виолончельная струна. Жизнь в искусстве Бурханова — поистине каторжный труд. Оттого-то и не слишком велико число сыгранных ролей, которые шлифовались годами. Как-то уже давно, Бурханов с обидой делился со мной, что его упрекают чуть ли не в погоне за королями. И он объяснял: ему необходимы встречи с новыми и новыми режиссерами, это — его школа, это — его способ познания нового в творческом методе.

Помню и другое: как мучительно шла работа над созданием образа В. И. Ленина в

спектакле «Путеводная звезда». Первые показы вызвали существенные замечания в адрес актера, и Бурханов требовал, чтобы его работу смотрели снова и снова, и настойчиво добивался, заметны ли улучшения.

Талант Шукура Бурханова мудр и человечен. Этот талант обращается к зрителю не вполголоса. Он изливает бурный поток страстей, он стремится потрясать, поднимать, будоражить.

Неправда, что сегодня самое нужное искусство — это искусство сдержанное, сосредоточенное в раздумьи, негромкий доверительный разговор. В наш век, век резких контрастов добра и зла, резкой борьбы между всепобеждающим разумом и идеологией цивилизованных людоедов нужно, необходимо искусство могучей, страстной мысли, искусство, говорящее кровью сердца, до конца обнажающее нервы, чтобы он был чувствителен к истинно человеческим стремлениям и человеческим страданиям.

Но надо уметь подняться до высот такого искусства, что и выпало на долю Шукура Бурханова.

А. РЫБНИК,
профессор, заслуженный
деятель искусств
Узбекской ССР.

НА СНИМКЕ: Ш. Бурханов.
Фото К. РОШЕЕВА.